

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

Сильные впечатления

РОМАН

Сергей Магомет

Сильные впечатления. Роман

«Издательские решения»

Магомет С.

Сильные впечатления. Роман / С. Магомет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745277-3

Сквозь дым отечества, сиреневый туман и Иерихонские трубы. Суровый любовный прямоугольник. Национально-гендерный романс. Читать сидя.

ISBN 978-5-44-745277-3

© Магомет С.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
III	12
IV	19
V	23
VI	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сильные впечатления Роман

Сергей Магомет

Иллюстратор Джон Уильям Уотерхаус

© Сергей Магомет, 2019

© Джон Уильям Уотерхаус, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4474-5277-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Писателя осаждают женщины, желающие исповедаться. При этом они прекрасно понимают, что тайна их сердечной исповеди ни в коем случае не будет соблюдена.

В какой-то степени материал этой книги представляет собой предмет специального исследования автора, и читатель, обративший внимание на сходство персонажей и ситуаций с реальными людьми и событиями, может быть уверен, что сходство не случайное.

Если автор в чем-то и погрешил против истины, то лишь с точки зрения географии.

И сколько сильных впечатлений

Для жаждущей души моей!

Александр Пушкин «Война»

I

Вот уже несколько месяцев Маша Семенова наблюдала, с каким ожесточением русские истребляют чеченцев и наоборот. В конце двадцатого века война на Кавказе не столь романтична, как в произведениях Пушкина и Толстого.

Голосили женщины. Кричали дети. Стонали раненые. Слышался рокот бульдозера, который зарывал еще одну наспех вырытую братскую могилу... И вот теперь, сидя прямо на голой земле в пригороде Грозного, Маша тупо пялилась на банковскую кредитную карточку из цветного пластика – единственное, что осталось от Ромы Иванова, не считая его карманного плеера.

Прокомментировать, истолковать происходящее для Маши не составляло особенного труда – в том и заключалась ее профессия. Но вот элементарно, по—человечески понять...

Нет, понять этого сумасшествия она никак не могла, хотя практически с первого дня конфликта находилась здесь в качестве репортера российского телевидения. Только в учебниках политэкономии пишут, что войны затеваются с целью нагреть руки на кровавой бане. Это все чепуха. Мол ветер дует, потому что деревья качаются. А Маша забралась сюда как раз для того, чтобы доискаться истинных причин бойни.

Каждый день она появлялась перед телекамерой на фоне развалин. Она должна была рассказать о стертых с лица земли домашних очагах. Показать чумазых ребятишек с широко распахнутыми глазами и пришибленных стариков, выискивающих среди руин остатки домашнего скарба.

Женственный и, в сущности, не геройского склада Рома Иванов, звукооператор, обслуживавший выходы в эфир из зоны боевых действий, как раз демонстрировал Маше новенькую кредитную карточку со своим более чем скромным валютным депозитом в одном монументальном коммерческом банке. Дело модное и якобы сулящее барыши. Вместе с карточкой он сунул Маше в руки красочный рекламный проспект, в котором расписывались все выгоды нового банковского предприятия, и жадно слушал, как она вслух декламирует текст и невозмутимым тоном перечисляет по пунктам все нюансы замечательного документа. В наушниках от карманного плеера он просил читать погромче. Как можно громче. Ему казалось, что голос Маши заглушает ужасную музыку смерти.

Они сидели в пыльной лощине, а поверх их голов гремел густой перекрестный огонь из автоматов и крупнокалиберных пулеметов. Когда Маша перешла к пунктам, касающимся непосредственно валютных барышей по вкладу, она на секунду подняла глаза на Рому Иванова. «Ежемесячный процент по вкладу составляет...» Она даже не успела произнести эти слова, когда увидела, что с ее звукооператором произошло неладное. То же самое, что некогда произошло с лошадью барона Мюнхаузена, которая была разделена ядром на две самостоятельные половины. Разница была в том, что в данном случае это был выстрел из подствольного гранатомета, и части звукооператора не пустились в самостоятельное путешествие по полю сражения. Точнее, они вообще не проявляли признаков жизни, и их уже ни к чему было сшивать ивовыми ветвями... Кровавые ошметки забрызгали землю вокруг и новенькую курточку-хаки, в которой была Маша. Самой же Маше показалось, что все происшедшее не имеет к ней ни малейшего отношения.

– Ежемесячный процент по вкладу составляет... – в угаре повторяла она снова и снова, ни к кому конкретно не обращаясь, пока кто-то не схватил ее в охапку, как сноп.

Этот кто-то был в военной форме. Он потащил ее подальше от Ромы. Маша ощупала себя и обнаружила, что от ушей до колен забрызгана Ромой Ивановым. Человек в военной форме постепенно обретал контрастность. Знакомый полковник крепко держал Машу и гладил по голове, как маленькую девочку. Она спрятала лицо у него на груди и некоторое время

вообще не могла ни о чем думать. Потом перед ее мысленным взором вспыхнула картинка вечерних телевизионных новостей: она, Маша, в эфире – с головы до ног забрызганная Ромой Ивановым.

«Вот полюбуйся, народ православный и правоверный, что ты сотворил с моим звукооператором! Вы, люди добрые, которым подавай репортажи покруче и покровавее, и желательно, естественно, в прямом эфире!.. А задумывались ли вы, признайтесь, хотя бы на мгновение, почему вы так бесчувственны к войне?..»

Ромы больше нет. Осталась лишь пластиковая кредитная карточка и плеер впридачу. Такие дела, Рома. Маша вдруг представила себе, как мог бы звучать текст его последней воли.

«Я, Рома Иванов, сим удостоверяю и завещаю мою кредитную карточку и мой плеер с наушниками, который, между прочим, продолжал работать, когда я уже не имел возможности его слушать, моей коллеге и подруге Маше Семеновой. Я, такой – то и такой – то, скоропостижно скончавшийся в адском пригороде, и чей депозитный вклад с ежемесячным начислением процентов... и т. д. и т. п.»

Короче говоря, нормальное, перманентное безумие.

Несколько часов спустя обычная компания журналистов собралась в офицерской столовой, размещенной в подвалах бывшей овощной базы, чтобы за дружеским столом упиться в усмерть. Полковник все еще был рядом. Маша познакомилась с ним случайно, еще в начале этой войны. Его звали Александр Вовк, и его рука слегка обнимала Машу за плечи. Однако она едва замечала это прикосновение.

«Волк...» – мысленно произнесла она.

Гдето внутри себя Маша ощущала острую боль, еще не в состоянии определить ее точного местоположения. Вокруг нее послышалось сразу несколько голосов. Они доносились до нее как будто издалека.

– Подумать только – Ромка! Ужас какой, а?.. Попролам! Это ж надо, шальной выстрел из подствольника – и нет больше Ромки... – говорил кто-то, прищелкивая пальцами.

Словно соглашаясь со сказанным, полковник обнял Машу чуть крепче.

Значительно позже, обгрызая ноготь на пальце и уставившись в облупленный потолок, освещенный слабосильной лампочкой, Маша припомнила о своем давнишнем и единственном сеансе у одного мага и прорицателя. В те стародавние времена маги и прорицатели еще не успели размножиться и были в большом дефиците. На прием к ним можно было попасть лишь по большому благу.

Маг и прорицатель (не будем называть его фамилии) принялся неторопливо рассказывать Маше сказку о верном сером волке, который нес на спине через дремучие леса прекрасную царевну, а Маша, устроившись на удобной магической кушетке вдруг банально, побабьи заревела. И проревела не меньше получаса из отведенных ей сорока минут.

– А чего, собственно, вы хотите от жизни? – напрямик поинтересовался у нее маг.

– Я хочу быть счастливой! – простодушно ответила она и опустила глаза.

Это не смутило специалиста ни на мгновение. Наклонившись ближе, он произнес загадочно:

– Нус, глобального счастья я вам, конечно, гарантировать не могу, но если вы сможете разглядеть волка в человеке, то чисто женское счастье вам обеспечено.

Он даже не пытался к ней приставать.

II

А еще раньше, сладостным июньским днем в большом банкетном зале попрежнему великолепной «Праги» семнадцать беленьких непорочных голубок выпорхнули, образно выражаясь, из золоченых клеток. В этот день Маша Семенова вышла замуж за Эдика Светлова.

Для Маши бракосочетание не было таким уж общественно значимым событием, как, скажем, для Эдика, которому наскучило вечно сидеть под крылом своего ветхозаветного и могучего, как Саваоф, папаши, чей авторитет по торговой части был непререкаем. Женитьба была для Эдика актом морального возмужания, обретения самостоятельности и статуса солидного и основательного делового человека, каковым он давно мечтал почитаться... Но особенную и непреходящую ценность замужество Маши имело для ее собственного папы, юриста до мозга костей, который на правах родственника получал в делах Светловастаршего свою заветную кровную долю, а главное, его доверие, на какое последний был вообще способен по отношению к комулибо.

В тот день Машу осыпали цветами.

– Улыбайся, – нашептывал Маше папа, чинно ведя под руку по направлению к месту назначения, – если б ты знала, сколько за все это уплочено!

Его медоточивый голос неизбежно обнаруживал вековечную печаль. Папа никогда не простит Маше плохих отметок в школе, ста рублей, украденных на помаду, а также, конечно, ее вопиющей беременности, узнав о которой он быстренько поволок Машу аж в город Киев – подальше от грязного панкафашиста, мальчишки, который, как предполагал папа, опорочил его голубку прямо в лифте, не снимая даже своих драных кожаных штанов.

Папа вообще считал своим святым долгом осуждать всяческих фашистов. Он бы, пожалуй, примирился даже с безродным джинсовозасаленным юнцом-хиппи. Только не с красно-коричневым говном. Тут уж он не стеснялся в выражениях. Он гордо называл себя «шестидесятником».

От города Киева, а вернее, от престижной цековской больницы с обширным гинекологическим отделением у Маши остались самые теплые и живые воспоминания. Заправлял там делами свиноподобный вивисектор на пару с усатой ассистенткой, за твердый тариф обстригающий у блудливых школьниц несчастных зародышей... Да что уж там!

Итак, Маша и папа уже были на полпути к месту встречи брачующихся, как вдруг родитель прошептал:

– А тебе действительно хочется замуж, доченька?

Появился слабый луч надежды, что папа даст задний ход, и они преспокойно отправятся домой и впредь будут делать вид, будто бы никакого жениха и не было... Однако, вместо этого, родитель душевно успокоил Машу, объяснив ей в сжатой форме, что особенно теперь, в наши постзастойные времена, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Намекал он, к тому же, на склонность Маши к полноте и, вообще, ее развитые пищевые инстинкты.

Надо полагать, что и Машу он зачинал с чувством, которое никак нельзя назвать не только любовью, но и даже мимолетной страстью.

И вот теперь папа преспокойно спроваживал Машу, предавая ее в руки человека, который, возможно, посягнет не только на ее тело, но и на саму душу.

Что касается Маши, то она ощущала изрядное смущение. Странные судьбы выпадают девушкам на 1/6 земного шара, славящейся дружбой народов. Сначала папаеврей вкупе со славянофильствующей мамой. Если первый, признаться, так до сих пор и не определился в своих религиозных наклонностях, последнее время колеблясь между евангелистами и баптистами, по причине их цивилизных манер и бьющей в глаза демократичности, то вторая последовательно

исповедовала веру предков – православие, – лишь эпизодически соблазняясь строгой эстетикой старообрядчества... И вот теперь – этот Эдик Светлов.

Когда в столичном храме-синагоге Маша стояла покрытая дорогим покрывалом, – что было частью еврейской свадебной церемонии, – то не чувствовала в этом никакого высокого символического значения – разве что одну беспросветную показуху.

Богато расшитое покрывало, на котором вытканы премиленькие цветочки, розовые лепесточки, замысловатый древний орнамент, а также пухленькие ангелочки, игриво плещущие водицей сластолюбивым девственницам в их алчущие ротки... Все это, понятно, не имело ничего общего с тем, как будет выглядеть Машин новый дом, – а именно, трехкомнатная квартира на Пятницкой улице с кухней вместо столовой и окнами на восток, – и как там угнездятся супруги Светловымладшие.

Эдик взял Машину руку и слегка пожал. Этот чужой мужчина, чья фамилия будет вписана в ее все еще «молоткастый и серпастый», стоял рядом. Вы только пощупайте, у него, оказывается, липкие ладони. Маша искоса взглянула на суженого. Ей оставалось лишь надеяться, у них не родится дочь. А если, по оказии, и случится такое, то не дай ей бог такого шнобеля, как у родителя!

Маша уже готова была заголосить принародно, что все происходящее здесь – не что иное, как ужасная ошибка, однако раввин вдруг заговорил на языке исторической родины. Ей пришло в голову, что потом она будет вправе заявить, что ни бельмеса не поняла, а потому их с Эдиком брачный союз не может быть признан божественно утвержденным.

«Если б мне только знать, отче, ваше преподобие, досточтимый ребе, на что меня тут подписывают, а главное, что это на веки вечные, то уж, само собой, я бы не стояла тут, пока эти треклятые голуби выпархивают из своих клеток и кружат у нас над головами, забрасывая фекалиями мою новоиспеченную многоуважаемую свекровь. Кроме всего прочего, ребе, примите во внимание, что я крещеная православная, и, к тому же, отчасти даже приобщенная к евангелическим истинам и старообрядческим заповедям!»

Эти или подобные слова внутренний голос скороговоркой бубнил в Машинном мозгу, однако внезапно все оборвалось и закончилось весьма центростремительно. Не исключено, что в тот момент она упала в обморок или что-то вроде этого – одним словом, на какоето время отключилась... В общем, когда она пришла в себя, раввин уже наставлял молодоженов.

Догадайся Маша минутой раньше, она могла бы просто извиниться перед собравшимися и улизнуть, – пусть, мол, продолжают без нее. Однако теперь поздно, слишком поздно. Теперь уж она – не она, а мужняя жена.

Даже если Маша и не растолстеет в замужестве, то все равно – отныне в каждом своем движении она будет зависеть от некоего Эдика Светлова... И что самое прискорбное – она осуждена на исполнение супружеских обязанностей, хотя никакой страстью здесь даже и не пахло.

Одной рукой Эдик крепко взял Машу за талию, а другой полез разбираться с ее накидкой. Старшая сестра Маши, Катя, исполнявшая обязанности свидетельницы со стороны жениха, принялась распутывать ленты, чтобы добраться до белых кружев, отбросить их вверх и таким образом предоставить Машиному супругу наилучшие условия для проникновенного поцелуя... Словом, уж если предаст родная сестра!.. Впрочем, сама Катя уже успела нажать в законном браке одного ребенка и «спланировала» следующего. Что и говорить, дурное дело – нехитрое. Маша невольно уклонилась от проворных пальцев сестры, но та цепко ухватила ее за плечо.

– Ну же, миленькая, – зашептала она, – все ждут, чтоб ты его хорошенько поцеловала. Давай, не усложняй жизнь!

Мокрые губы Эдика припечатались к Машиным губам, которые были крепконакрепко сомкнуты, чтобы не пустить внутрь его лопатообразный язык.

Присутствующие и, в самом деле, чего—то ждали. Маша вдруг почувствовала себя актрисой, которая участвует в ответственном спектакле на соискание звания народной артистки и вся ее дальнейшая карьера зависит от того, как она сыграет эту ключевую сцену.

Сбросив накидку прямо на пол, Маша тряхнула головой, рассыпая по плечам и спине целый каскад сухих волос.

«Что ж, — отчаявшись подумала она, — пусть публика получит то, чего с таким нетерпением ждет!» И вчас поцеловала новоиспеченного супруга. Публика дружно разразилась овацией.

— Bravo! Бис! — закричали все.

С горькой усмешкой Маша представила себе, что в отместку за все эти поганые овации хорошо бы сейчас сбросить с себя одеяние невесты, сорвать его лоскут за лоскутом, обнажиться догола, оставив на себе разве что белый кружевной пояс, белые чулочки и белые остроносые туфельки. Что потом?.. Потом встать на четвереньки, порусски говоря «раком», задрать повыше зад и смачно... выпустить на собравшихся стаю утробных голубиц! Эдика, естественно, подобные изыски только больше разожгут, и — последует несусветная инициация — прямо под ритуальным покрывалом, а гости начнут ободрительно прихлопывать в ладоши в такт тазобедренным усилиям Эдика, святотатственным манером проникающим в ее тело. Простотаки очаровательная картина: румяная, словно домашняя колбаса, Эдикова затычка, роняющая капли сока... Мечты, мечты!

Держа Эдика под руку, Маша начала движение в обратном направлении. Теперь все происходило до крайности медленно. Ее волосы находились в беспорядке. Крошечная дочурка Кати несла за ней длинный шлейф платья. Девочке помогал какойто безмянный ребенок со стороны Светловых в пурпурном вельветовом балахончике. Маша услышала треск надрываваемой материи, когда мальчик злокозненно наступил на шлейф. Впрочем, это уже не имело никакого значения. Больше этого платья Маше не надевать.

Итак, каковы же результаты произошедшего? Впервых, как уже было сказано, папа невесты заполучил пожизненный шахермахер, а славянофильствующая родительница, то бишь мама, облегченно вздохнула, выполнив свое жизненное предназначение — а именно, успешно сбывла с рук двух дочерей, выдав их за безусловно состоятельных мужчин, хотя бы и евреев. В общем, семейство Семеновых преспокойно игнорировало всякую чепуху вроде баптистско-евангелической бодяги, а также предало забвению темное прошлое с материнской стороны, когда в старорежимные времена ее далекие предки основательно мочили кагал мужнинных предков, еще не носящих гордой фамилии Светловых. Стоит ли говорить о том, что Семеновым не было абсолютно никакого дела, желает ли их младшенькая дочурка Машенька выходить замуж за этого или какого другого претендента.

В общем, в положенный момент грянул зубодробительный Мендельсон, а затем и опиумногашишный вальс «На сопках Маньчжурии» — специально для молодоженов. Уже будучи супругами, Эдик и Маша пустились в свой первый танец. Эдик крепко прижал Машу к себе и, шумно дыша прямо в ухо, доверительно сообщил:

— Уж я тебя сегодня оттрахаю до полусмерти!

Одобрительно покачивая головами, гости смотрели, как молодожены изображали нечто отдаленно напоминающее вальс. На мамочке сверкали фамильные дворянские бриллианты, чудом сохраненные в славные времена Ленина-Сталина-Брежнева, — как и глубочайшая тайна самого мамочкиного благородного происхождения. Папа импозантно посасывал сигару. Приторносердечное выражение на лице свекрови и развратная физиономия свекра. Да еще все эти друзья, лучшие люди подавляющего национального меньшинства, празднующие событие, которое было для Маши все равно что дурной сон. Даже напарник папы по теннису был тут как тут — статный русак-государственник, тот самый, который недавно пострадал в известных смутных событиях, немножко переусердствовав в общенациональном вопросе. Его при-

гласили, чтобы продемонстрировать демократизм, которым Светловы славились еще со времен «оттепели». И чтобы уж окончательно прославить в подобном духе идеи демократии, была приглашена также домработница, полуграмотная, но преданная баба Маня, которую усадили на всеобщее обозрение на почетном месте...

И вот посреди этого чудненького семейного торжествапиршества кружилась в темпе вальса Маша Семенова, обладательница дипломов многочисленных литературных и филологических олимпиад, едва закончившая школу и подавшая документы на журфак, мечтающая о карьере журналистки. Причем кружилась она не с кемнибудь, а со своим законным супругом, – с человеком, который намеревался ее сегодня не просто трахнуть, а поиметь до полусмерти.

III

Два дня спустя Эдик и Маша отправились в мать городов Киев, где, можно сказать, и начался их медовый месяц – обстоятельное турне по местам и местечкам пока еще братской малоросской республики с конечной остановкой в населенной многочисленными родственниками Одессе маме, – перед тем, как возвратиться в Москвуматушку.

В то первое киевское утро, невольно поглядывая из окна интуристовского гостиничного номера в направлении горделиво прорисовывающегося на горизонте гинекологического центра, Маша размышляла о запланированной Эдиком экскурсии к Бабьему Яру. Эдик вознамерился осмотреть не только страшный яр, но и посетить мемориальную экспозицию архивных фотоматериалов – как трофейных, так и сделанных в период эксгумации массового захоронения. Он желал, чтобы Маша непременно сопровождала его в этой «экскурсии».

Жуя пирожные и запивая их «пепси», Маша размышляла о том, действительно ли упомянутые ужасы имели место, и удивлялась, что вообще согласилась составить Эдику компанию. К тому же, ей было досадно, что она не нашла в себе сил хотя бы отказать ему, – ведь другого такого случая, увы, больше не представится.

Эдик, то есть тот самый мужчина, с которым Маша теперь делила постель, пока что, судя по всему, так и не поимел ее до полусмерти. Маша пришла к такому заключению на том простом основании, что еще не потеряла способности спокойно и трезво размышлять.

Вообщето, когда Эдик хрестоматийно насаживал ее на себя, она действительно испытала некоторый кратковременный дискомфорт. Чтото наподобие гинекологической манипуляции, когда двумя неделями раньше докторша в районной женской консультации устанавливала Маше допотопную контрацептивную диафрагму. Не обращая внимания на ее крики (сама того хотела!) и без колебаний докторша принялась орудовать своими гинекологическими железяками – а именно, специальным зеркальцем для обследования девственниц, поскольку дело об аборте в медицинской карточке у Маши зафиксировано, естественно, не было... Эдик тоже игнорировал ее крики, шумно дышал, сопел, после чего вдруг издал странного свойства всхлип и разрядился в Машу, выплеснув общих нерожденных детей в надежную, как отечественная противотанковая надолба, импортную резиновую преграду.

– Тебе было хорошо, любимая? – спрашивал он Машу после каждого мимолетного раза, коих было всего шесть.

Шесть раз Эдик впрыскивал в ее плоть свою жидкость, не подозревая, бедняга, о противотанковом заграждении.

– Что значит «хорошо», Эдик? – переспрашивала она, зябко пожимая плечами.

Откуда ей было знать, что такое хорошо, – как, впрочем, и что такое плохо, – если единственное серьезное сексуальное впечатление имело место почти год назад еще в школе.

– А что у тебя было с тем гаденьшем? – насупившись, поинтересовался Эдик.

– Сам ты гаденьш, – обиделась Маша.

– Ну ладно, – смирился Эдик, – с тем, как его...

– Вообщето, у нас с ним были идеологические разногласия. Я хотела на него положительно повлиять, переубедить. Ведь он просто обчитался Бакуниным... В первый же день мы с ним побежали к Белому Дому. Он очень хотел посмотреть, как гэкачеписты будут его штурмовать. А я сразу догадалась, что ничего такого не предвидится... Мы с ним много спорили, и нам было интересно вместе. А потом мы пошли к нему домой...

– Зачем? – буркнул Эдик.

– Как зачем? Перекусить, согреться, выпить вина... А кроме того, в тот вечер передавали мое любимое «Лебединое озеро»...

– Да нет же! – снова перебил Эдик. – Зачем тебе понадобилось переубеждать этого гаденыша? Или тебе просто хотелось, чтобы он тебя трахнул?

На том доверительная беседа молодых людей закончилась. Маша так никогда и не рассказала Эдику, как она сочувствовала и жалела «гаденыша», задолбанного школьными порядками и родителями – застрельщиками перестройки с кафедры марксизма-ленинизма МГУ, которые с самыми лучшими намерениями пытались внушить сыну азы «нового мышления». А мальчик почитывал не только Бакунина, но и еще койкого. Был он на год старше Маши и провалился со своим Бакуниным в институт. Напившись дешевого вина у него дома, они упали на диван в его захлавленной программной литературой комнате, и он чрезвычайно нежно овладел Машей под оргастическое потрескивание автоматных очередей, начавших раздаваться со стороны Садового кольца, которое находилось в прямой видимости из его окна. Стало быть, дело происходило вовсе не в лифте, как это предполагал папа. Хотя драные кожаные штаны тут несомненно фигурировали. Потом они вскочили и побежали на улицу, наблюдать за тем, как развиваются события. На стене дома уже кто-то успел вывести пульверизатором «По Кремлю – без промаха!» и «Коммунак – на фонари!»... А через два месяца мальчик загремел в армию, откуда через некоторое время сбежал воевать в Приднестровье, где и сложил свою голову, сраженный пулей румынского стрелка. Ну а школьница Маша, при помощи папы и киевского вивисектора, убила тем временем их общего ребенка.

Эдик вывалился из ванной комнаты, где только что принимал душ, и вокруг бедер у него было обернуто красное махровое полотенце. Его плечи и грудь покрывали черные курчавые волосы, влажная веснушчатая кожа лоснилась, а лицо сплошь усеяно ярко—красными прыщами. Рассматривая своего мужа, Маша пришла к вполне объективному выводу, что если бы у него имелось хотя бы какое-то подобие подбородка, а нос был немного покороче, то он, возможно, был бы не так уж и плох. Да еще эта буйная волосяная растительность...

Эдик плотоядно потер ладонь о ладонь и, усевшись около чемодана с деликатесами, немедленно приступил к завтраку. Маша устроилась рядом, поджав под себя ноги, в шелковой ночной рубашке розового цвета. Всякий раз когда она тянулась, чтобы выудить из огромной коробки шоколадную конфету, ее левая грудь слегка показывалась на свет божий и обнажался матовотемный сосок.

– Полегче с конфетами, не то тебя разнесет, – предупредил Эдик. – Ты еще не одета! – проворчал он немного погодя. – Я хочу успеть к Бабьему яру, пока еще нет такой жары...

Маша пристально посмотрела на него, еще раз попытавшись понять, почему к тому же Бабьему яру она относится куда серьезнее, чем ее еврейский муженек. Ах, если бы только Эдик мог понять, что на Бабий Яр невозможно смотреть иначе, как на величайший позор всех времен и народов! Соглядатайство с национально-фашистскими и прочими оттенками неуместно и дико, – особенно, когда речь идет о вопиющей подлости рода человеческого как такового. Если бы только Эдик мог понять, что созерцание подобного должно возбуждать у человека не столько праведный гнев, сколько жгучий, непереносимый стыд... Если бы он это понял, она была бы век ему верна! Но увы, увы...

– Я собираюсь принять ванну, – сказала Маша, потягиваясь.

В этот момент Эдик уставился на Машу таким тупоцелеустремленным взглядом, что у нее не осталось никаких сомнений в его пробуждающихся намерениях.

Она поспешила запахнуть грудь, чтобы не дать ему лишнего повода, однако слишком поздно – он уже завелся. Он ухватил Машу за руку и завалил на постель. Пробормотав что-то нечленораздельное, он принялся гладить ее груди и ловить губами один из сосков, а Машину руку употребил на то, чтобы по мере сил стимулировать свой неспешно набухающий отросточек. Маша не сопротивлялась по той простой причине, что сопротивление отняло бы у нее гораздо больше сил, чем если бы отдаться побыстрому. Решив действовать оперативно и энер-

гично, она крепче сжала пальцы и ощутила его горячую пульсацию. «Его» или «он» – именно так Эдик имел обыкновение с незамысловатой иносказательностью именовать свой член, который по этой причине Маша мысленно окрестила «третьим лицом».

– Полегче! – приказал он, – не то я слишком быстро кончу!

Однако она не сбавила темпа, уже успев сообразить, что то, что для него означает «кончить», для нее, для Маши, означает «начать».

Когда же «третье лицо» уже проникло в Машу, та вдруг вспомнила, что забыла вставить предохранительную диафрагму.

– Подожди! – испуганно вскрикнула Маша. – Я могу залететь!

– Не беспокойся, – успокоил ее Эдик, натужно сопя. – Пусть у нас будет ребенок. Я могу себе его позволить.

В критический момент Эдик был так задумчив, словно прикидывал в уме, действительно ли он может позволить себе ребенка и в какие денежные траты это дело выльется. Вероятно, он успел прокалькулировать затраты вплоть до совершеннолетия отпрыска и его обучения в престижном коммерческом колледже где-нибудь в Штатах...

Увы, это все-таки произошло... Маша как могла старалась быть начеку, не привлекать лишней раз внимание Эдика к своим прелестям, а он таки оплодотворил ее в номере киевской гостиницы с видом на знакомый гинекологический центр. Она чувствовала, как теплая жидкость стекает по бедрам и понимала, что все ее надежды на то, что еще удастся как-то избежать этой жизни, в которой Эдик будет фигурировать в качестве супруга, рухнули окончательно. Она физически ощущала себя беременной. Когда она погрузилась в горячую ванну, у нее не было ни малейших сомнений в том, что в ее существе уже успело произойти удвоение. И как теперь не подмывайся, толку от этого никакого. Самый проворный из тысяч Эдиковых сперматозоидов успешно атаковал ее целомудренную яйцеклетку. В ту же секунду Машу сразило чувство, которое в народе называют «безнадегой». По сравнению с этим, отчаяние и тоска, овладевшие ею, когда несколькими днями раньше она стояла перед священнослужителем были просто щекоткой.

Она вернулась в комнату совершенно нагая и бесстрашная. Больше бояться было нечего. Эдик что-то бездарно насвистывал. Он встал у Маши за спиной, она видела его отражение в зеркале, и он ухмылялся.

– Поторопись, – сказал он. – Я уже заказал такси.

– Я не поеду.

Это был первый, но отнюдь не последний раз, когда она возразила ему.

– Что значит – не поедешь? Ведь это запланировано!

– Что за дикая идея во время свадебного путешествия посетить Бабий яр? Я не могу. Не могу и не хочу!

– Ты будешь делать то же, что и я. – заявил Эдик. – Мы теперь две половинки одного целого.

Как он был в данный момент не прав. Он отнюдь не был половинкой. Он не был даже одной восьмой.

– Ну, пожалуйста! – захныкал он, – Я ведь хотел сфотографировать тебя там на память...

А кому, интересно, достались бы эти фотографии в случае развода? Снимки были сделаны его фотоаппаратом, заявил бы Эдик. Так – то оно так, ответила бы Маша, но вот улыбочка на фоне мемориала принадлежит ей. Он будет неистово отсуживать у Маши все, – включая не сданную пустую посуду, какая только отыщется на кухне. Маша была уверена в этом, как была уверена в своей беременности. Однако она даже не подумала о том, что будет с ребенком. Она не подумала об этом просто потому, что ребенка не могло быть.

В тот день Эдику пришлось отправиться к Бабьему яру в одиночестве, а она осталась в номере, продолжая размышлять о том, как вообще с ней все это могло приключиться.

Она вспоминала большую дачу в Пушкино, которую семья снимала на лето. Тогда все казалось простым. Мама всегда приглашала много гостей. У Семеновых весело гуляли. Весело, легко, хотя и без затей... Впрочем, может быть, не так уж безоблачно все было даже тогда.

Сестрички Катя и Маша сидели на огромной светлой веранде и жевали бутерброды. Папа и мама ссорились на втором этаже. Бутерброды лежали стопочкой на тарелке посреди круглого облупленного стола. Бутерброды были трех видов – с сыром, вареной колбасой и селедочным маслом. Уплетая колбасу, которую она ловко подхватывала с хлеба языком, Катя, казалось, забывала обо всем на свете. Ярко выраженный пищевой инстинкт. Что касается Маши, то она осторожно слизывала с хлеба селедочное масло и прислушивалась к обрывкам злых фраз, которые долетали со второго этажа. Она старалась составить цельное впечатление о разговоре. Речь, по всей видимости, шла о секретарше, которая работала в папиной нотариальной конторе. Мама была очень рассержена. Мама предупреждала папу, что если подобное будет продолжаться, она с ним разведется.

– И ты меня больше не увидишь, жидяра! – кричала мама.

– Антисемитка! – почти добродушно отбивался папа. – Погромщица!

Маленькая Маша отметила про себя, что при этом ни словом не было упомянуто о них, о детях. Маша была готова зареветь. Куда же денутся они, детки? Этот вопрос надрывал детскую душу. Она была перепугана появлением в их жизни какойто пресловутой секретарши – зловещего персонажа вроде ведьмы или бабы Яги.

Маша вопросительно взглянула на Катю, но та была слишком увлечена поеданием ломтиков сыра, которые исчезали у нее во рту с изумительной быстротой. Что значит старшая сестра. Наверное поэтому младшие почти всегда вырастают заморышами. Потом наступила очередь бутерброда с селедочным маслом, который Катя принялась методично обкусывать со всех сторон, так что от него скоро остался только маленький кружок, на который Катя некоторое время любовалась, словно на произведение искусства, чтобы затем отправить вслед за остальным.

– Катенька, – прошептала Маша, – ты слышишь?

– Слышу, а что? – ответила та, засовывая остаток бутерброда в рот и проталкивая его внутрь указательным пальцем.

Глядя на нее, трудно было поверить, что она способна на какиелибо чувства. А если и способна, то, вероятно, чувства весьма специфические.

Вообщето, ни одна из сестер не умела успокоить или приободрить другую, поскольку никто их этому не учил.

Мама сбежала со второго этажа, когда Катя допивала компот, а Маша лишь приступила к бутерброду с колбасой. Следом за мамой сбежал и папа.

– Шизофреничка! – вопил он.

– Мамочка, любимая! – тут же вскрикнула Маша, вскакивая.

Ослепнув от горьких слез, мать стремительно побежала по направлению к вишневому саду – даже не оглянувшись на дочку, а отец вздыхая уселся рядом с детьми за стол на веранде. Сестра Катя как ни в чем не бывало искусно завела с ним разговор о своих собственных нуждах. Что же, так у них заведено – каждый за себя.

– Я уже выросла, папа. Мне нужен новый велосипед.

– Хорошо, – смущенно ответил отец.

Однако тут вмешалась Маша. В своих семь лет она все еще не понимала всех хитросплетений в отношениях полов.

– Почему вы с мамой ссоритесь? – в лоб спросила она.

– И вовсе мы не ссоримся, – проворчал отец. – Просто иногда родителям нужно выяснить отношения.

– А что такое шизофреничка? – настаивала Маша..

– Шизофреничка, – без колебаний ответил он, – значит просто нервная.

Маша с сомнением покачала головой. Даже в семь лет трудно удовлетвориться таким приблизительным ответом. Она смолчала, но отцу не поверила. Только спустя годы она поняла, что ошибалась. В томто и дело, что взрослым действительно очень часто приходится выяснять отношения, а эпитет «шизофреничка» – для таких мужчин, как ее родитель, – действительно обозначает чтото вроде нервной женщины.

Когда в тот вечер Эдик не вернулся в гостиницу к ужину, Маша ощутила детский сосущий страх – где – то внизу живота, – можно было бы указать анатомический орган и более точно, – да, она помнила этот страх еще с тех пор, когда прислушиваясь, ждала, как в конце рабочего дня в замке входной двери начнет поворачиваться ключ, и дома появится отец. Девочка никогда не знала, что случится на этот раз и когда начнется ссора. Теперь, сидя в одиночестве в гостиничном номере, она думала о том, сколько же ей пришлось вытерпеть от него – от ее отца.

Когда ему было выгодно, он сразу становился евреем. Он был евреем, когда собирался узкий круг избранных профессионалов и за водкой можно было повторять «я еврей и ты еврей» с таким же исступлением, с каким русские рвут на себе рубаху, чтобы продемонстрировать православный крест. Однако и в такие редкие моменты в горле у него слегка першило, и он подозрительно присматривался к соплеменникам, словно сомневаясь, что его почитают за своего. Время было что ли такое или страна, что он как будто и сам начинал сомневаться в своей исторической богоизбранности.

Когда же он попадал в общество знакомых и родственников жены, которые всю дорогу маниакально твердили о материнских и прочих линиях Пушкиных и Гончаровых, а в перестроечную компанию добрались и до Рюриковичей, он вдруг превратился в нееврея и даже начинал чтото бормотать не то о купеческих, не то о казачьих кровях. Особенно он становился неевреем, если дела заносили его в закрома родины, и на обильных сабантуях чиновничьей братии, с партийцами и гебистами его дружески шлепали по заду, отпуская очередную антисемитскую шуточку... И только в самое последнее время, когда о евреях устали говорить даже сами евреи, он, кажется, вообще наконец забыл о своей национальности. Лишь однажды, когда Маша в полемическом запале выразилась о своем женихе Эдике этот «новый русский», отец вдруг почти печально улыбнулся и неожиданно для самого себя сказал:

– Какой он новый русский, если ж мы ж с его папаней старые евреи?

Как бы там ни было, все эти национальные полутона, без сомнения, имели самое прямое отношение к тому, как складывалось детство Маши Семеновы, прошедшее в большом доме на Патриарших, в который мамыны предки заселились еще до войны, поскольку были крупными советскими служащими, впоследствии многократно репрессированные и реабилитированные. Медленно деградируя, дом тем не менее постоянно состоял в ведении какихто важных хозяйственных управлений, а потому Маша сызмальства росла в окружении вохровских рож, и все эти лифтеры и вахтеры, примелкавшиеся в служебном контексте, воспринимались почти в качестве дальних родственников. К тому же отроковице Маше приходилось проводить в их обществе довольно много времени, по причине того, что в воспитательных целях строгий отец имел обыкновение не пускать Машу в квартиру, если она возвращалась домой позже назначенного часа. Пристыженная и оскорбленная, Маша отсиживалась в служебной каморке парадного на потертом кожаном диванчике около ночного вахтера. До чего же позорно и тягостно было коротать ночь на этом диванчике и, в полудреме наблюдать, как над Патриаршими занимается зорька! Ночной вахтер вечный старик Петрович, казалось, должен был вполне разделять точку

зрения отца Маши в вопросе воспитания. Однако на его дубленом лице появлялось подобие сочувственного выражения, и Маша была готова провалиться от стыда сквозь землю. Конечно, она всячески старалась дать понять старику Петровичу, что подобное ночное времяпрепровождение в его каморке – совершенно естественная вещь для юной девушки из приличной семьи. Петрович отмалчивался и деликатно отводил взгляд. Его, заслуженного отставника госбезопасности, которому довелось насмотреться всякого, приводило в смущение, как приличные люди тиранят свое чадо. Выпороть – еще тудасюда. Но заставлять холеную барышню валяться как последнюю на вахтерском диване – это уж слишком! Этот явный педагогический перегиб огорчал почтительного к субординации Петровича, и, не глядя на скорчившуюся на диванчике Машу, он скорбно качал головой и начинал чистить для нее огромное антоновское яблоко, которое извлекал из газетного кулька, приготовленного для него супружницей. Он побратски делился со ней домашними котлетами и пирогами и лишь лечебную огненную воду единолично высасывал из своей маленькой походной фляжки. Ранним утром мимо них начинали проходить сонные жильцы, спускавшиеся выгуливать собак. Проходил почтальон с толстой сумкой на ремне. Он тоже становился свидетелем Машиного позора. Потом на дежурство заступал сменщик Петровича и, увидев Машу, обменивался с Петровичем понимающим взглядом...

Тут нужно заметить, что из всех жильцов один лишь папа держался с вахтерами с подчеркнуто бесстрастно. Никакой фамильярности, никакой сердечности. Попросту говоря, они для него вообще не существовали. Оттого, вероятно, сочувствие последних доставляло Маше особенную муку. Дожидаясь, пока отец смирится и пришлет за ней Катю, Маша имела достаточно времени, чтобы философски поразмыслить обо всем об этом. Однако она так и не решила, что безнравственнее – отцовское пренебрежительное отношение к вахтеру, которого он считал просто низшей формой жизни, или же бессердечие, которое он проявлял, наказывая подобным образом дочку за то, что та задержалась на десять минут после школьного вечера.

Ожидая возвращения Эдика той ночью в Киеве, Маша пришла к заключению, что, наказывая ее, родитель наказывал и мучил самого себя. Чтобы понять эту элементарную вещь, Маше потребовалось не только повзрослеть, но и выйти замуж... Как все это объяснить Эдику, которому глубоко наплевать, как муторно и пакостно на душе у позолоченной девушки, которую он взял в жены? Главное, он взял приличную девушку из своего круга, почти девственницу. Остальное дело техники. И никакого просвета впереди. Перед глазами Маши уже замаячило видение надгробной плиты на собственной ее могилке и отчеканенные слова, в которых, если можно так выразиться, будет сконцентрирована вся пустота и никчемность ее жизни: «Моей дорогой супруге Маше, матери моих детей от любящего Эдика...» Такова будет последняя запись о ней в Книге Судеб... Ну уж нет, только не это! В этой жизни Маше хотелось еще коечего, кроме почетного звания «дорогой супруги любящего Эдика».

Мало по малу дело стало проясняться. Все дело в том, что она всегда вела себя как затюканный ребенок, который лезет вон из кожи, чтобы оправдать родителей и всячески отрицает, что именно папа и мама льют деготь в мед его жизни. Все несправедливости Маша всегда воспринимала как должное и задним числом оправдывала родителей, – в частности, отца. Что касается матери, то та, будучи по натуре женщиной негибкой воли, никогда не скрывала своего холодного, почти безразличного отношения к дочерям...

Бедный, бедный Эдик Светлов. Вот какими словами она встретит его, когда он вернется в гостиницу. Впрочем, ему никогда не понять, какая убийственная ирония заключена в этих словах.

– Бедный Эдик!..

На его лице отразилось смущение. Он все еще держался рукой за дверную ручку, словно боялся поскользнуться.

– И ведь тебя это даже не удивляет, дорогой, не правда ли? – мягко продолжала Маша.

Он долго и довольно бессмысленно пялился на нее, а потом сказал:

– Удивляться вообще не в моих правилах.

Он старался изъясняться внушительным тоном.

– Должен тебе заявить, – начал он с запоздалой надменностью, – что отказываться следовать за своим мужем во время свадебного путешествия есть начало нравственного падения...

IV

В общем, так или иначе Эдик покончил с осмотром мемориальных достопримечательностей в городе Киеве, и через некоторое время молодожены прибыли в Одессу и остановились у родственников Эдика на образцово-показательной приморской вилле, где Маша впервые начала осознавать размах семейного бизнеса Светловых. Однако поразило Машу не это. Эдик предупреждал, что попутно намерен устроить коекакие дела, но, едва они приехали, с головой ушел в бизнес. Дома в Москве отец никогда не занимался работой. Даже по телефону разговаривал мало и неохотно. У родственников Эдика все было иначе. Здесь безраздельно царила коммерция. Приходили и уходили какие-то люди. Эдик не отрывал от уха радиотелефона. Информация поступала непрерывно. Жизнь Эдика устремилась в привычное для него русло капиталовложений, валютных курсов и экспорта-импорта. Маша почувствовала себя лишней. Бесконечные деловые завтраки, совещания и визиты к партнерам. Это было похоже на то, как еще девочкой она однажды влезла на колени к папе, чтобы посмотреть, как взрослые играют в преферанс. Взрослые острили, хохотали, огорчались и до хрипоты спорили, а она только напряженно следила за выражениями их лиц, пробуя угадать, когда нужно засмеяться или огорченно вскрикнуть, однако все происходящее было абсолютно лишено для нее какого-либо смысла. К тому же игроки непрерывно курили и то и дело опрокидывали то чашку кофе, то рюмку коньяка...

Эдик прибыл в Одессу, чтобы повидать нужных людей, и более чем прозрачно дал понять Маше, что в течение дня ей лучше заняться как-нибудь своими делами.

Во время одного из бесцельных блужданий по городу, Маша забрела в дорогой французский магазин, чтобы присмотреть себе что-нибудь из нижнего белья. Там она и повстречала Риту Макарову.

Рита представляла собой абсолютную противоположность Маше. Иначе говоря, она обладала всем тем, чего не было у Маши: точеной изящной фигуркой, рыжими волосами, веснушками, искристыми зелеными глазами и нежным голосом. Однако, несмотря на внешность, Рита была стойким оловянным солдатиком и не боялась самого черта. Она любила цитировать Веничку Ерофеева: «раз уж родились, нужно немножечко и пожить...» Рита похоронила своего грудного ребенка, умершего не то от воспаления легких, не то от инфекции, подхваченной в больнице. В тот момент, когда она моталась с ребенком по врачам, муж сообщил, что уходит к другой женщине, с которой познакомился в ресторане.

Но Рита принимала жизнь такой как есть, а именно, бесконечной полосой препятствий и несчастий. Ей однако удалось сделать карьеру одного из самых удачливых редакторов на телевидении. Она вела дела на пару со своим вторым мужем Иваном Бурденко, весьма заслуженным телевизионным чиновником, который, к тому же, был достаточно умен и сердечен, чтобы понять, что горе заставляет людей глядеть на мир особыми глазами. Он понимал, что она нуждается в успехе более, чем в чем-либо другом. На телецентре они даже поместились в одном кабинете. На двери кабинета красовались две таблички с их фамилиями, между которыми чья-то язвительная рука вывела губной помадой сердечко, пронзенное стрелой. Однако ни Рита, ни Иван даже не подумали его стирать. Оба были того мнения, что человек может пережить что угодно, если только не потеряет чувства юмора.

Итак, Маша и Рита нашли друг друга в дебрях изысканного нижнего белья – среди бюстгалтеров, кружевных поясов и комбинаций. Маша без всякого удовольствия перебирала интимный товар и была полна самой черной меланхолии. Эдик уже успел махнуть на нее рукой и даже не пытался каким-либо образом возбудить в ней супружеский энтузиазм и вознаградить за то, что ей приходилось делить с ним ложе. Когда Маша подумала о том, что их супружество безнадежно прокисло, по ее щекам потекли слезы. Молодожен даже перестал интересоваться

ее мнением о технике секса. Видимо, он догадался, что она не только не пылает к нему страстью, но, в лучшем случае, старается относиться к его домогательствам философски.

Рита заметила Машу сразу же. Решительно приблизившись к ней, она сказала:

– Когда я вспоминаю, что все это мне влетит в копеечку, я тоже начинаю рыдать!

Взглянув на нее, Маша сразу заметила у нее на пальце обручальное кольцо и, словно встретив родственную душу, испытала что-то вроде облегчения: блеск золота, символизирующий узы Гименея, говорил о том, что и у нее есть муж, а значит, как женщина, она тоже несет свой крест.

– Я хочу сказать, – поправилась Рита, видя, что Маша хранит молчание, – нет лучшего способа утешиться, как купить себе что-нибудь подороже.

– Это точно... – кивнула Маша с улыбкой.

– Ничто не может так поднять настроения замужней женщине, как хороший лифчик или трусы... – продолжала Рита, и Маша снова улыбнулась.

– Как вам этот? – спросила она.

– Ну, этот вам пойдет, если только вы собрались в монастырь!

– Пожалуй, – кивнула Маша. – Слишком скучный.

– А как насчет этого?

– В этом я бы и в монастырь согласилась!

– Еще бы!

Тут они обе засмеялись и принялись вместе бродить по магазину и перебирать вещи. Потом они направились к выходу, решив где-нибудь посидеть и вспрыснуть знакомство. Отыскав маленькое открытое кафе в тени каштанов, они устроились поудобнее и повели более обстоятельный разговор.

– В Одессу – отдохнуть? – поинтересовалась Рита.

– В свадебное путешествие. Мы только что прилетели из Киева. Мы с мужем... – проговорила Маша и смущенно умолкла, не решаясь поведать о том, какого рода развлекательную программу запланировал Эдик на медовый месяц.

– Вы плакали изза него? Или просто объелись шоколада?

– Как вы угадали? – удивилась Маша. – Так и есть. Я плакала потому, что оказалась совершенно не готова к семейной жизни... Теперь мне кажется, что от меня не останется ничего, кроме надписи...

– Какой надписи? – в свою очередь удивилась Рита.

– Да, на моей могилке.

Кажется, Рита поняла ее. По крайней мере, она больше ни о чем не спрашивала.

– А я в этих краях, можно сказать, в командировке, – сказала Рита, помешивая соломинкой коктейль. – Я работаю на телевидении, и мы делаем передачу о военных базах Черноморского флота и вообще о проблеме разделения вооруженных сил. Нас предупреждали, что у нас будут большие проблемы с местными военными властями...

Маше стало любопытно. Еще никогда не встречала женщину, которая, кроме того, что носила обручальное кольцо, занималась бы такими серьезными делами.

– Ну и пришлось мне натерпеться! – продолжала Рита. – Когда я приехала из Киева, ухитрившись выбить официальное разрешение, и вся группа уже вылетела из Москвы, одна местная сволочь мужского пола начала ставить нам палки в колеса.

– Не понимаю, – сказала Маша.

– Политика, – усмехнулась Рита. – То есть это он так думает.

– Но почему же он так уперся?

– Да потому, – нетерпеливо сказала она, – что женщинам в этом мире отведено лишь получать оплеухи. А тем, кто связал себя с политикой или, упаси бог, с телевидением – тем более...

Так они мило беседовали, и Маша даже не заметила, когда они перешли «на ты».

– Ну а ты что подделываешь? – спросила ее Рита.

– Вот, вышла замуж...

– Это я уже знаю, – мягко улыбнулась Рита. – Видела, как ты орошала слезами бюстгалтеры и трусы... Я спрашиваю о том, чем ты занимаешься и вообще есть у тебя какие планы.

– Сначала были, а теперь не знаю...

– А вот это просто глупо. Замужество, как бы это сказать, вещь сомнительная во многих отношениях. Особенно, если ты в нем не очень счастлива. Заметь, прошло только две недели, как ты замужем, а уже недоумеваешь по поводу того, что с тобой происходит.

– Не знаю...

– В любом случае тебе стоит поразмыслить о том, чем заняться. Ведь что-то тебя, наверное, интересует?

Сначала робко, а потом смелее Маша принялась рассказывать о своей заветной мечте.

– Мне кажется, я бы хотела стать журналисткой... Я подала документы на журфак. Я бы хотела заниматься чем-то настоящим. Чтобы много ездить, много видеть... Там, где происходит самое главное... Может быть, даже делать репортажи о войне.

Рита с удивлением взглянула на эту девчонку, которая выскочила замуж, когда у нее еще молоко на губах не обсохло, но слушала с искренним вниманием и заговорила только тогда, когда фонтан Машиного красноречия иссяк.

– Короче, ты бы хотела работать на телевидении? – спросила она. – В эфире?

Эти слова, произнесенные так запросто и вслух, повергли Машу в замешательство, которое тут же сменилось глубоким унынием. Мечта показалась ей совершенно не реальной. Первый раз в жизни завела об этом речь с посторонним человеком. Ничего глупее, наверное, нельзя было придумать.

– Да, на телевидении, – сказала она почти со злостью и вспыхнула. – Да, в эфире!

В конце концов, почему она должна стыдиться своей мечты?!

– А с чего ты взяла, что у тебя это получится? Не такое простое это дело.

– Я просто знаю, – твердо ответила Маша, словно уже боролась за свое место под солнцем на телевидении. – И если бы кто-то дал мне шанс, я бы это доказала.

Рита опять улыбнулась.

– Это весьма жестокий мир. И грязный. Наверное, нигде нет столько грязи, как на телевидении. Другой такой работы, пожалуй, и не сыскать. Можешь мне поверить. Мне ох сколько пришлось нахлебаться...

Маша только пожала плечами. У нее на лице попрежнему была написана твердая решимость. Про себя же она удивлялась, до чего они могли договориться, едва познакомившись.

– Мне пора, – вдруг спохватилась она. – Я обещала встретиться с Эдиком в пять, а сейчас уже без пятнадцати!

Маша умолчала о том, что Эдик Светлов бывает весьма недоволен, когда его заставляют ждать. Она была достаточно умна и понимала, что в качестве супруги одаривает его ласками более чем скромно, – а он многого и не требует, – а потому, по крайней мере, нужно иметь совесть и стараться не доставлять ему слишком много хлопот вне постели. Так она решила для себя с первых же дней их совместной жизни.

– Ничего, подождет, – небрежно сказала Рита. – Подождет и пять минут и даже пятнадцать. Ничего с ним не случится. Я обещаю.

Они допили коктейль, и Маша бережно спрятала в сумочку визитную карточку с телефоном, которую ей протянула Рита.

– Обязательно позвони, – сказала Рита.

– Как только приедем в Москву, – пообещала Маша.

Она возвращалась к Эдику с легким сердцем. Словно впервые в жизни почувствовала себя самостоятельным человеком. Вообще, человеком. Так, вероятно, самоощущали себя целые народы, когда катапультировались из состава Союза. Неплохое сравнение, подумалось ей, журналистское. Надо бы записать. Впрочем, в действительности дело, может быть, обстояло куда серьезнее. Маша сделала свой жизненный выбор, и еще неизвестно, к чему этот выбор мог ее привести.

Эдик дожидался Машу, нетерпеливо прохаживаясь около дома. Он то и дело вытягивал шею и озирался по сторонам. Маша опаздывала на пятнадцать минут. Он ждал не столько ее появления, сколько того, как она будет оправдываться.

– Маша, – строго сказал Эдик, – никогда не заставляй меня ждать. В нашей семье деньги зарабатываю я, и за все плачу тоже я.

Прошло всего две недели их медового месяца, самым ярким воспоминанием которого у Маши должно было стать несостоявшееся паломничество к ужасному Бабьему яру, а Эдик уже раз и навсегда распределил их роли. Маше, как она это поняла, отводилась роль вечно виноватой и оправдывающейся стороны.

V

Тяжелый транспортный самолет ждал на пустынной бетонной полосе в военном аэропорту близ Грозного. Маша держала ладонь на сером цинковом гробу, который вотвот должен загрузить в чрево самолета. Накануне у Маши был еще один прямой выход в эфир прямо в момент очередного обстрела боевиками российского блокпоста. Она стояла перед телекамерой и рассказывала о текущей ситуации в пекле гражданской войны, рассуждая о том, каким образом эта война может повлиять на общую политическую ситуацию в стране, на отношения России с другими кавказскими республиками. Она чувствовала, как ее эмоциональная, почти импровизированная речь складывается в один из самых драматических телевизионных репортажей, которые ей когда—либо приходилось вести.

Впрочем, ей мало верилось в то, что телезрители вообще способны понять весь ужас того, что здесь происходит. Огромная территория была охвачена неискоренимым мятежным духом, и многочисленные и подчас противоборствующие друг другу отряды боевиков, рассредоточенные в недоступных федеральным войскам горах, были готовы сражаться насмерть до последнего человека.

Голос Маши прервался, а на глаза навернулись слезы, когда она начала рассказывала о том, на что способен подствольный гранатомет. Режиссер делал ей знаки, чтобы она во что бы то ни стало продолжала, не желая прервать съемку, хотя Маша делала ему отчаянные знаки, что ей необходима передышка. Режиссер сожалел лишь об одном – о том, что не посчастливилось заснять все случившееся с Ромой вживую. Если бы только удалось это сделать, то выдающийся ролик можно было бы тут же толкнуть западным коллегам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Со стороны режиссера никаким цинизмом здесь и не пахло. Что случилось то случилось, а работа прежде всего. После эфира режиссер уверял Машу, что материал, тем не менее, отснят грандиозный, а главное, им удалось сработать эпизод прямо в ходе боевых действий... Что ж, видно, бедный Рома уже превратился в «эпизод»...

Александр Вовк попрежнему находился рядом. Полковник в выгоревшем камуфляже с серыми звездами на погонах. Он был рядом с Машей, когда погиб Рома Иванов. Теперь он поддерживал Машу под локоть, пока она дожидалась погрузки цинкового ящика в самолет, который должен был доставить тело в Москву. Может быть, Маше нужно было попытаться послать родителям Ромы телеграмму в глухую деревню под Торжком, даже если московское начальство уже известило их о гибели сына. Пожалуй, им было бы немного легче, если бы они узнали об этом от Маши, – то есть от той, которой эта смерть не совсем была безразлична. От той, которой Рома рассказывал о своем детстве и о том, каково быть сыном деревенского милиционера. В детстве Рома был бойким парнишкой, а его отец жесткого карал за драки и пьянку местную шпану, в компании которой шатался его сынок, пока не увлекся радиотехникой. Мать Ромы, простая сельская баба, суеверная и верующая, была бы тронута, если бы Маша поведала ей, как переживал Рома изза того, что в свой последний приезд, когда мать стала приставать к нему, почему он никак не женится, Рома прямо заявил ей о своих столичных трансвеститских наклонностях. Рома в лицах рассказывал Маше об этом разговоре и о том, как у матери испуганно распахнулись глаза, а ладошкой она прикрыла отвисшую челюсть. Она была в шоке, не в состоянии поверить, что у сыночка, выросшего в нормальной советской семье, могли укорениться такие паскудные убеждения. Теперь она, должно быть, зачистит в церковь и будет недоуменно вопрошать боженьку, почему тот, при всей своей бесконечной мудрости, вместо того, чтобы вразумить ее единственного сыночка, отнял его у нее. Маша могла бы уверить ее, что Рома возвел на себя напраслину, что именно такие – чистые и непорочные, как ангелы небесные, и нужны боженьке...

Слезы опять потекли у Маши по щекам, когда она вспомнила, что всего неделю назад Рома как раз приглашал ее посетить с ним окрестности родного Торжка, русскую Венецию, познакомиться с его родителями. Она могла бы сказать его матери, даже солгав в утешение:

– Он не успел меня с вами познакомить, но я та, которая знала вашего сына с самой лучшей стороны. Я любила вашего сына. И он приглашал вместе погостить у вас, пойти по грибы, по ягоды, поудить рыбку. Потому что на родной сторонке, как он уверял, сам воздух целебен для его души. Потому что родители это святое и тому подобное... Понимаете, – сказала бы Маша, – у нас, в столице ничего этого нет. У нас там перестройка и всякое такое. Вы же знаете. У нас заботятся как бы сделать выгодное вложение, а духовная пища совершенно исключена из рациона... – Эти слова, по мнению Маши, вполне подходили к случаю.

Ее рыдания раздавались все явственнее, и полковник Александр Вовк молча подал ей мятый, но чистый носовой платок, который извлек из кармана своих камуфляжных штанов. Она взяла платок, даже не взглянув на полковника, и принялась сморкаться и утирать слезы. Потом на нее нашло что-то вроде столбняка. Четверо мужчин подняли серый цинковый гроб, погрузили его на желтый электротранспортер, который медленно пополз в чрево самолета. Рома Иванов отправлялся домой, в русскую Венецию. Как знать, было бы ему отраднее, если бы он знал, что есть на земле люди, которые о нем убиваются и грустят и даже с нетерпением ждут, чтобы получить то небольшое, что от него осталось...

Только за последнюю неделю здесь погибло тридцать семь мирных жителей, включая женщин и детей. Один «шаловой» снаряд обрушил дом, под сводами которого погибла целая семья из шести человек. Не осталось никого из родных, кто бы мог их оплакать. Во время обстрелов блокпостов, а также при подрывах на минах на минах и от пуль снайперов погибли семь российских военнослужащих. Из них один – в чине майора. Тела четверых будут отправлены на родину, остальных похоронят там, где они сложили головы. И это потери, когда в войне наступило относительное затишье, и активных боевых действий не велось.

Сегодня Маше еще предстояло вести репортаж из штаба федеральных войск в Чечне и попытаться выяснить, каковы на ближайшее время намерения военных, а также каких ответных действий можно ожидать со стороны вооруженных формирований. Она сунула руку в карман своей выстиранной и высушенной курточки и нащупала прямоугольный кусочек пластика – пресловутую кредитную карточку Ромы Иванова, которую вкупе с плеером можно было считать единственным оставшимся от звукооператора имуществом, а саму Машу невольной душеприказчицей...

Дело сделано. Створки грузового отсека самолета захлопнулись и немногочисленная публика начала расходиться. Маша медленно брела прочь, мысленно воспроизводя одну и ту же картину: цинковый ящик с телом исчезает, больше она никогда не увидит Ромку.

Она увидела, что ей навстречу выбежал режиссер, который пытался докричаться до нее сквозь рев самолета, вырвавшегося на взлетную полосу.

– Машенька! – услышала наконец она, – завтра утром у нас запись беседы в штабе. Это пойдет прямо в вечерний выпуск новостей!

Маша кивнула.

Какая к черту разница, в какой выпуск – вечерний или утренний – пойдет репортаж? Вопрос в том, сможет ли она рассказать, как здесь гробят людей, и почему, – даже тех, кто приехал зафиксировать безумие этой бойни для истории.

«Отстоять свободу и демократию любой ценой». Кто именно это сказал? Маша не помнила. Кто-то из российских политиков? Или кто-то из чеченцев? Как многое меняется, в зависимости от того, в чьих устах прозвучали эти слова! А может быть, это сказала Рита?.. Вспомнив о ней, Маша непроизвольно улыбнулась. Вопреки смертной тоске. Уж она, Рита, несомненно сумела бы подобрать достойные слова, чтобы охарактеризовать весь этот содом.

Кажется, уже сто лет прошло с тех пор, как они выпивали с ней в маленьком одесском кафе, болтали и хохотали до слез. Рита всегда была в курсе ее личной жизни, включая ту последнюю ночь, когда Маша наконец сбежала от Эдика Светлова. Рита выслушивала все ее жалобы, всю горькую повесть о ее ужасном замужестве и жизни с человеком по имени Эдик Светлов, которого Рита терпела только потому, что тот был мужем ее подруги.

– Есть вещи похуже, чем развод, – спокойно заявила Рита.

И как всегда была права.

– Я отвезу вас, – предложил полковник, беря Машу под руку.

– Нет, это ни к чему. У нас своя машина, – ответила она.

– Знаю, что это ни к чему, – ответил он, подводя Машу к машине. – Но мне бы очень этого хотелось.

Взглянув на него, Маша вдруг поняла, почему вот уже несколько недель упорно отвергала ухаживания этого человека. Много раз она видела его крупную сильную фигуру, когда он широкими шагами мерил бетонные дорожки в расположении штаба армии или лихо проносился по улицам города на броне БМП в компании автоматчиков. Она сталкивалась с ним, когда со съемочной группой колесила по селениям и поселкам, но всегда притворялась, что не замечает его. А он всякий раз старался заговорить со ней. У него был мягкий малоросский выговор. Маша делала вид, что не понимает, что он обращается именно к ней. В конце концов она научилась узнавать его издали – по взлохмаченным волосам и своеобразной походке. Он противоустанно держал левую руку в кармане камуфляжных штанов, а его плечи были слегка приподняты, что придавало ему несколько чудаковатый вид. Маша нутром чувствовала его приближение и, как правило, успевала улизнуть прежде, чем он успевал подойти ближе. Но однажды, когда они столкнулись буквально нос к носу на одной прессконференции, которую давали военные, она с трудом сдержала улыбку – столько смущения и радости было в его голубых глазах. Он показался ей тогда очень красивым, и она поспешила отвести глаза и поскорее сбежать. Он опасно красив, решила она.

И вот она сидела в его машине – в мощном армейском джипе. Он усадил ее к себе в машину так ненавязчиво, что она этого даже не заметила. В его манерах напрочь отсутствовала эта ужасная солдафонская услужливость, когда мужской организм измучен вынужденным воздержанием и вблизи женщины члены, упакованные в мундир, невольно начинают развратно выгибаться, причем последнее выдается за особое армейское изящество и молодцеватость. Словом, псевдогусарское поклонение прекрасным дамам с недвусмысленным заглядыванием в глаза в ожидании времени «ч».

– Вовк это значит волк, не так ли? – вдруг спросила Маша.

– Совершенно верно, – улыбнулся полковник. – По-украински. Я ведь хохол.

– И вы не обижаетесь, когда вас называют хохлом?

– А вы обижаетесь, когда вас зовут кацапкой?

– Я не обижаюсь, даже когда меня называют жидовкой, полковник Волк.

– А вот чеченцам не нравится, когда их называют черными, – спокойно сказал он. –

Но они не прочь, если их называют волками.

– А еще их называют чернозадыми и стирают с лица земли их города...

– Но здесь живут не только чеченцы.

– Да что вы говорите, полковник Волк! – усмехнулась Маша.

– Кажется, вы осуждаете военных?

– Не знаю... – резко мотнула головой Маша, а потом тихо добавила:

– Я войну осуждаю.

– Да что вы говорите, – улыбнулся полковник. – Войну все осуждают. И военные в том числе.

Маша искоса посмотрела на него. В ее намерения вовсе не входило затевать политический диспут. Да и, кажется, в его намерения тоже. Впрочем, именно такие подтянутые, бравые и скупые на информацию полковники приходят в прессцентр министерства обороны. Маша представила его перед объективом телекамеры. Она могла бы встретиться с ним для интервью... Впрочем, нет. Он всетаки другой. Он пропылен, обветрен, а главное, у него грустные глаза. Да и кажется, он вообще не из тех, кто горит желанием появиться на телеэкране.

– Вас поселили в «санатории», да? – спросил он.

– Да, – кивнула она, снова бросив на него быстрый взгляд, – Вы наводили справки?

– Это было нетрудно, – спокойно ответил он, пожав плечами. – Мне рассказывала о вас Татьяна...

«Санаторием» называли маленькую ведомственную гостиницу, располагавшуюся в одном абсолютно не пострадавшем от войны районе. Кажется, там раньше действительно было что-то вроде санатория. Администратором в гостинице работала восточная женщина с русским именем Татьяна. С первой же встречи Маша и Татьяна прониклись друг к другу искренней симпатией, и Татьяна отчаянно старалась, чтобы Маша чувствовала себя здесь как можно удобнее. Они часто болтали, попивая кофе и уютно устроившись на большом мягком диване в кабинете у Татьяны.

– Интересно, – чисто поженски удивилась Маша. – Что она могла вам обо мне рассказывать?

– Что вы очень нежная, трогательная и что опекать вас доставляет ей огромное удовольствие.

Маша слегка покраснела. Да, пожалуй он не из тех лихих господ офицеров, которые, едва «отстрелявшись», натягивают форменные черные трусы и начинают шарить под кроватью в поисках сапог и портянок. Маша почувствовала, что в данном контексте даже форменные трусы представляются ей весьма обворожительным и чувственным предметом туалета.

Полковник неторопливо заводил машину, а Маша мысленно прикидывала, сколько ему может быть лет. Наверное, около сорока. Таким образом, разница у них в возрасте – лет пятнадцать, не меньше. Впрочем, для него, для такого как он «волка», возраст понятие весьма относительное. Что же касается самой Маши, то сегодня, после всего, что ей довелось пережить, она казалась себе не молоденькой тележурналисточкой, а столетней развалиной. Она чувствовала себя так, словно только что попала под бронетранспортер...

Полковник виртуозно вел машину по разбитому бронетехникой шоссе. На пути попадались бесчисленные патрули и блокпосты, однако полковника, повидимому, повсюду хорошо знали в лицо, и он даже не притормаживал. Они мчались через город, большей частью разрушенный до основания, – так что в телерепортажах его кварталы напоминали хронику времен сталинградской битвы. Маша чувствовала, как то и дело он газует особенно ожесточенно и круто бросает машину из стороны в сторону. Она и виду не подавала, что ей прекрасно известно, что на таких участках местность хорошо простреливается снайперами. Она знала, что с определенных высот боевики могли разглядеть в сильные полевые бинокли и телескопические прицелы не только номера машин, но и сосчитать звездочки на погонах. Иногда по обочине дороги двигались маленькие караваны беженцев, – что было довольно странно, поскольку казалось, что из этих проклятых мест уже давно должны были сбежать все, кто только мог двигаться. Сотни тысяч людей были вынуждены искать спасения за тридевять земель. Маше доводилось делать репортажи об этих ужасных лагерях беженцев сразу за чеченской границей... А сколько еще людей отказывались бежать! Дом, даже если от него остались одни лишь закопченные стены, попрежнему оставался для них родным домом...

Откинувшись на сиденье, Маша прикрыла глаза. В висках у нее стучало. Все тело дико ныло.

– Почему вы столько времени избегали меня? Не проходило дня, чтобы, проснувшись утром, я не мечтал вас увидеть, а вы даже отказывались заговорить со мной...

Полковник произносил эти слова, не отрывая взгляда от дороги и не меняя интонации.

Маша приподняла веки и увидела его изумительные руки, которые мягко сжимали руль. О прикосновении таких рук, надо думать, должна мечтать любая девушка, даже не вдаваясь в то, кому они принадлежат.

– Простите, – сказала Маша, нетерпеливо передергивая плечами. – Наверное, я вас не видела. Я очень близорука.

Внезапно повернувшись, он пристально взглянул прямо ей в глаза. Она же невольно отвела взгляд и стала смотреть в окно.

– Я несколько раз заговаривал с вами, но вы предпочитали тут же упорхнуть. Я даже не успевал закончить фразу, – продолжал он с улыбкой.

– Ну не знаю, – вздохнула Маша. – Наверное, я просто вас не слышала...

– Так значит, вы не только близорукая, но еще и тугоухая? – заметил полковник с таким серьезным видом, что Маша, не удержавшись, прыснула от смеха.

– Вы не слишком учтивы с дамой, полковник Волк, вам не кажется? Я же извинилась. Давайте будем считать, что мы познакомились только сегодня и начнем все сначала.

Он взял ее за руку.

– Идет, – сказал он. – Только я бы предпочел помнить все, что связано с вами... Даже вчерашнее.

Маша снова прикрыла глаза, чтобы перетерпеть приступ боли, которая переполнила душу при одном воспоминании о случившемся. И, тем не менее, он был совершенно прав.

Остаток пути они молчали. Автомобиль миновал еще один КПП у железных ворот гостиницы и свернул за бетонный забор.

– Я провожу вас в номер. Не хочется оставлять вас одну, – заявил полковник Волк.

– Не нужно. Я чувствую себя совершенно нормально, честное слово...

– Все равно. Я должен быть уверен, что вы благополучно добрались до номера и что у вас есть все необходимое.

Он слегка дотронулся до ее локтя.

– Это что же, новый приказ министра – приставить ко мне охрану? – неловко пошутила Маша.

– Причем не ниже полковника.

– Военные решили заботиться о безопасности журналистов?

Едва сдержалась, чтобы не добавить: «в постели».

– Да уж как хотите, – невозмутимо ответил он.

Почему это в его присутствии Машу так и подмывает задираться и шалить? Неужели изза разницы в возрасте?

Когда они вошли в фойе, Машу окликнула Татьяна.

– Подожди, тебе письмо из Москвы!

Татьяна плавной горделивой походкой вышла изза стойки администратора и, слегка нахмурившись, протянула конверт.

– Спасибо, – кивнула Маша и поцеловала подругу, лицо которой тут же расцвело счастливой улыбкой.

Татьяна обняла Машу и, не глядя на полковника, проговорила:

– Он преследует тебя?

– А как потвоему?

– Дело не в моем мнении. Ты и сама видишь, что он тебя преследует. Ну ничего, не беспокойся, я сегодня на дежурстве и буду рядом.

– Не о чем беспокоиться. Все будет в порядке.

– Я и не сомневаюсь, – кивнула Татьяна, строго взглянув на полковника.

– Не о чем беспокоиться, – повторила Маша и, распечатав конверт, пробежала глазами письмо. – Это из дома, – проговорила она немного погодя. – Mamочка интересуется, приеду ли я домой на свой день рождения.

– Приедешь? – спросила Татьяна.

– Надеюсь, что нет. Надеюсь, удастся избежать этой радости, – ответила Маша.

У нее не было никакого желания праздновать день рождения. Особенно, в семейном кругу.

VI

Ох уж эти ей праздники детства! Когда ей исполнилось десять лет, отец погладил ее по голове и торжественновнушительно произнес:

– Теперь ты взрослая девочка, Маша!

С утра родители подарили ей очередную «познавательноразвивающую» книгу, поскольку считалось, что книга лучший подарок, а старшая сестра Катя от всего сердца подарила ей свою старую куклу. Зато бабушка и дедушка преподнесли большую овальную коробку замечательных шоколадных конфет, обернутых в разноцветную фольгу.

К тому времени, кстати сказать, в живых оставалась одна бабушка (мамина мама, – ее муж, вторично осужденный перед самой смертью Сталина, был расстрелян, не дотянув всего несколько месяцев до очередной реабилитации) и один дедушка (папин отец, – его жена умерла от рака еще до рождения Маши). Старики мирно проживали вместе с детьми и относились друг к другу почтительно и церемонно. У каждого из них обнаружилось свое хобби, и они не испытывали ни малейшего желания вмешиваться в жизнь молодежи. Дедушка, шахматист-любитель, вставив в рот вставные челюсти, с утра до вечера просиживал в аллеях на Патриарших, рьяно отстаивая звание местного чемпиона, а бабушка, обернув плечи ветхой лисой, ходила по музеям и экспозициям, иногда выстаивая километровые очереди за право полюбоваться фамильными сокровищами, которые в свое время были реквизированы проклятыми большевиками.

Конфеты, подаренные дедушкой и бабушкой, были так хороши, так изумительно смотрелись в своих пластиковых ячеечках, что Маша даже боялась к ним прикоснуться, чтобы не дай бог не нарушить эту совершенную красоту. В течение всего дня она доставала из своего ящика коробку с конфетами, забиралась в уголок и, благоговейно приоткрыв крышку, любовалась ими, словно произведениями ювелирного искусства. Катя осторожно заглядывала через плечо и, целиком разделяя благоговейный трепет сестры, даже не просила попробовать.

Вечером был накрыт праздничный стол, на котором, как всегда стараниями мамы, красовалось изобилие русскоеврейской кухни. После холодных закусок и горячего наступил черед сладкого. Маша и Катя радостно захохотали, когда на столе появился домашний торт, рассыпчатые пирожные с кремом и орехи, политые жженым сахаром. Вдруг папа сказал:

– А где же твои конфеты, Маша?

– Ну папа... – смущенно сказала Маша, опустив глаза.

– Что – ну папа? – поинтересовался он, повышая голос.

– Это же мой подарок...

– Ты должна всех угостить. Ты теперь взрослая девочка и должна понимать, что такое приличия.

Маша стала медленно подниматься изза стола.

– На столе и так достаточно сладкого, – неуверенно вставила бабушка.

– Конечно, – поддержал дедушка.

Маша начала медленно садиться.

– Отец прав, – заявила мама. – Ты должна всех угостить.

– Неси, неси, – сказал папа.

Маша принесла коробку и со вздохом положила на стол.

– Открывай, – сказала мама. – И предложи всем.

Маша открыла.

– Она именинница, – сказал папа, – пусть возьмет первая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.